

Бібліографічні посилання

1. **Бабушкин А. П.** Обновление концептосферы языка как социолингвистическая проблема / А. П. Бабушкин // Связи языковых единиц в системе и реализации: Когнитивный аспект. Сб. науч. тр. – Тамбов, 1999. – Вып. 1. – С. 75–80.
2. **Барт Р.** Избранные работы / Р. Барт : Семиосфера. Поэтика; [пер. с фр.]. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
3. **Болдырев Н. Н.** Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТамГУ, 2001. – 123 с.
4. **Бранский В. П.** Теоретические основания социальной синергетики / В. П. Бранский // Вопр. философии. – 2000. – № 4. – С. 112–129.
5. **Введение** в когнитивную лингвистику : уч. пос. / Попова З. Д. и др. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2005. – 220 с.
6. **Герман И. А.** Лингвосинергетика / И. А. Герман. – Барнаул : Алтайская акад. экономики и права, 2000. – 168 с.
7. **Капра Ф.** Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Ф. Капра; [пер. с англ. В. Г. Трилиса]. – К. : София; М. : ИЗ София, 2003. – 336 с.
8. **Красавский Н. А.** Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский. – Волгоград : Перемена, 2001. – 495 с.
9. **Маслова В. А.** Homo lingualis в культуре / В. А. Маслова. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2004. – 214 с.
10. **Приходько А. Н.** Концепты и концептосистемы: когнитивно-дискурсивный ракурс / А. Н. Приходько. – Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2014. – 335 с.
11. **Семенець О. О.** Синергетика поетичного слова / О. О. Семенець. – Кіровоград : Імекс, 2004. – 338 с.
12. **Слышкин Г. Г.** Лингвокультурные концепты и метакоцепты / Г. Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 290 с.
13. **Тарасова Е. В.** Синергетические тенденции в современной лингвистике / Е. В. Тарасова // Вісник ХНУ ім. В. Каразіна. – 2000. – № 500. – С. 3–9.
14. **Хакен Г.** Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах / Г. Хакен; [пер. с англ. Ю. А. Данилова]. – М. : Мир, 1985. – 420 с.
15. **Философский словарь** / [под ред. И. Т. Фролова]. – М. : Политиздат, 1986. – 590 с.
16. **Шмелев А. Д.** Русский язык и неязыковая действительность / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
17. **Wiener N.** The Human Use of Human Beings / N. Wiener. – N. Y. : Houghton Mifflin, 1950. – 312 p.

Надійшла до редколегії 02.11.2013

УДК 811.111'23

Л. К. Свиридова

*Московский государственный гуманитарный университет
имени М. А. Шолохова*

**ЯЗЫКОВАЯ И РЕЧЕВАЯ СУЩНОСТЬ ТОПОНИМИКИ
LANGUAGE AND SPEECH ESSENCE OF TOPONYMY**

У статті піднімається питання про основні характеристики топоніма у відповідності з функціями, які він виконує в мові. В цьому аспекті детально аналізуються дескриптивна характеристика як нестійка складова топонімічної одиниці, емоційна характеристика, що належить головним чином до конотативного плану, та ідеологічна характеристика, пов'язана з популяризацією певних ідей, які не можуть виступати в якості основи для класифікації топонімів як конкретних індикаторів простору.

© Л. К. Свиридова, 2014

Особливу увагу приділено просторовому значенню топоніма, яке, власне, і формує адресово-спрямовану характеристику топоніма.

Ключові слова: топоніміка, топонім, астронім, гідронім, ознака, просторове значення.

В статье поднимается вопрос об основных характеристиках топонима в соответствии с функциями, выполняемыми ими в речи. В этом аспекте подробно анализируются дескриптивная характеристика как неустойчивая составляющая топонимической единицы, эмоциональная характеристика, принадлежащая главным образом к коннотативному плану, и идеологическая характеристика, связанная с популяризацией определенных идей, которые не могут выступать в качестве основы для классификации топонимов как конкретных индикаторов пространства. Особое внимание уделяется пространственному значению топонима, которое, собственно, и формирует адресно-направленную характеристику топонима.

Ключевые слова: топонимика, топоним, астроним, гидроним, признак, пространственное значение.

The article raises the issue of the main characteristics of toponyms according to the functions they fulfill in speech. In this aspect descriptive, emotional and ideological characteristics are analysed. Since the first of them is an unstable component for toponym, the second one belongs to the aspect of connotation and the third is connected with the popularization of the certain ideas, so they cannot be the base for the toponym classification. Special attention is given to the spatial meaning which forms the address characteristic of the toponym.

Key words: Toponymy, toponym, astronym, hydronym, sign, spatial meaning.

Как известно, пространство, наряду со временем, представляет собой одну из основных форм существования материи. Однако, если пространству присущи физические признаки непрерывности и протяженности, то языку присущи иные признаки пространственного бытия, которые выражены лексически, грамматически и лексико-грамматически. Все они вместе формируют языковую многоярусность ограничительного, то есть лимитативного характера. Этим, собственно, и объясняется тот факт, что пространственная лимитация является общей процедурой ограничения и поэтому занимает особое место в сфере языковых и речевых отношений.

Все увеличивающийся рост научных исследований в сфере астрофизики, географии и в других областях знания дает большое количество топонимических наименований, языковая сущность которых приближает их частично к терминологической лексике, а частично – к общеупотребительной. Кроме того, увеличивающееся количество обустройства мест жизнедеятельности человека приводит к появлению все возрастающего числа языковых наименований, которые характеризуются уникальностью своего лексического значения. Культурные запросы общества требуют адекватно грамотного использования каждого из топонимов (называющего любое географическое пространство – земное, водное или космическое), хотя именно этот аспект, связанный с моделями их синтаксической сочетаемости в речи, до сих пор остается не до конца исследованной областью и требует, соответственно, своего углубленного анализа.

Значение топонимов, будучи условно договорным, остается мотивированным и берется из языка. Представляя собой пространственный знак информативного качества, топоним функционирует в речи говорящего, выражая тот минимум пространственной информации, которая удовлетворяет цель коммуникации. При этом такая информация должна выполнять главную функцию – она должна быть адресной. Топоним выполняет, в первую очередь, пространственно-указательную

функцию, однако ему свойственны также дескриптивно-эмоциональная и идеологическая функции.

В самом наименовании топонима лежит, как правило, случайно выделенный признак (то ли по сходству, то ли по величине, то ли по качеству и т. д.). Особо можно говорить об идеологической роли назывного признака, когда он отражает определенную политическую ситуацию в обществе. Однако этот признак относится только к языку, то есть остается на уровне наименования. На уровне речи он исчезает, заменяясь пространственно-указательной функцией. Иными словами, идеологическая функция существенна только лишь в процессе наименования тех топонимов, которые получают ее как результат какого-то политического акта. В дальнейшем она, как правило, утрачивает свое политическое значение, оказываясь подчиненной пространственно-указательной функции, и поэтому для пространственной индикации не является релевантной.

Дескриптивно-эмоциональная функция проявляется исключительно в условиях речевой ситуации. При этом она отодвигает пространственно-указательную функцию на второй план, а иногда совершенно снимает ее.

Соответственно могут быть выделены основные характеристики топонима, которые в принципе присутствуют не только на диахронном, но и на синхронном уровнях. К их числу относятся: идеологическая, эмоциональная и указательная. Первые две, естественно, связаны как с энциклопедическим (или дотопонимическим) значением топонима, так и с посттопонимическим его значением. Тем не менее обе они могут напластовываться и на непосредственно адресную характеристику. Ясно, что идеологическая характеристика связана и определяется теми, в основном, социальными и политическими событиями, которые могут приводить:

- во-первых, ко вторичным и даже многократным переименованиям территориальных объектов, происходящих не только в течение столетий, но и на протяжении жизни одного поколения, например: Царицын – Сталинград – Волгоград; Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург; Сергиев Посад – Загорск – Сергиев Посад;
- во-вторых, к первичным названиям их по каким-то идеологически важным моментам, например: Комсомольск-на-Амуре, Washington.

Таким образом, в топониме исторически как бы происходит слияние идеологической и энциклопедической характеристик. При этом, однако, сам идеологический смысл мотивированности в топонимах легко выветривается. Семантическая дескриптивность в топониме оказывается крайне неустойчивой, поскольку исходно мотивированный смысл топонима не является информативно ведущим. Мы не отрицаем того очевидного факта, что каждый топоним в большей или меньшей мере представляет собой фиксированно запечатленный фрагмент истории народа.

Что касается эмоциональной характеристики, то она принадлежит, главным образом, коннотативному плану. Нет сомнения, что в речи топоним может получить как в зависимости от контекста, так и от определенной речевой ситуации дополнительные эмоциональные коннотации (типа: *The Venus* – Венера – самая яркая планета нашей солнечной системы, названная в честь древнегреческой богини Венеры; *Stradford-on-Avon* – место рождения В. Шекспира; Ленинград – блокадный город; Черная речка – место дуэли и гибели А. С. Пушкина и т. д.). Однако и этот аспект, проявляющийся в сознании говорящего и слушающего, в связи с определенными известными им ассоциациями не является ведущим, потому что эмоциональные характеристики оказываются не главным, а второстепенным мо-

ментом внутренней сущности топонима как конкретно пространственного ориентира на местности. Объясняется это, надо полагать, тем, что эмоциональная характеристика раскрывается обычно в более узком кругу лиц, чем общее пространственное значение топонима. Этот относительно узкий круг лиц знает о топониме какую-то дополнительную информацию (типа того, что Страдфорд-на-Авоне – это город, где родился Шекспир, или Черная речка – это место дуэли А. С. Пушкина и т. д.). Объем такой дополнительной информации может налагаться на чисто пространственную топонимическую характеристику и вызывать определенные чувственные восприятия названной географической точки. Например, Чернобыль – место атомной катастрофы.

В подобных условиях именно пространственная характеристика может отступать, переходить в разряд второстепенных, то есть нивелироваться и, таким образом, переводить топоним из системы пространственных ориентиров в систему совершенно иных связей и отношений, которые составляют предмет исследований другой направленности – не пространственной (как в нашем случае), а эмоционально-семантической.

Итак, если идеологическая характеристика топонимов связана с насаждением через них в сознание говорящих строго определенных социальных или политических идей (типа переименования городов, сел, наименования объектов образования и т. п.), то эмоциональная характеристика связана с использованием коннотаций ассоциативного плана. Но обе эти характеристики (и идеологическая, и эмоциональная) не могут служить эталоном, выступающим в качестве основы для классификации топонимов как конкретных индикаторов известного или неизвестного нам пространства.

В связи с тем, что нарицательный смысл, который исторически лег в основу топонима, с течением времени как бы выветривается, исходная мотивированность топонима заменяется в нем мотивированностью направительно-адресной информации.

Надо учитывать, что топоним создается ради того, чтобы вкладывать в него именно это конкретно пространственное значение. Каждое имя существительное, как известно, обладает дескриптивной характеристикой, которая может быть отнесена к длительной истории его формирования, то есть к лингвистическому времени его существования. Это лингвистическое время образует в слове тот определенный спектр значений, который оказывается довольно устойчивым в речи.

В топонимах же картина имеет прямо противоположный характер. Слово, становясь топонимом, то есть приобретая конкретно-пространственное значение, как бы порывает с историей своего дотопонимического формирования. В связи с этим в речи устойчиво доминантным остается лишь этот пространственный смысл, который, собственно, и формирует адресно-направительную характеристику топонима. Поэтому в рассматриваемом отношении вряд ли правомерно говорить о типовом контексте, в котором «срабатывают» одни коннотации и «погашаются» другие. Взаимоотношения топонима с речевыми ситуациями носит более сложный характер, в котором на первый план выступает пространственная оценка момента речи.

Этимологически, как известно, топонимы характеризуются общим для них всех принципом возникновения, поскольку они появляются как названия, данные им по сходству или по каким-либо другим (в принципе, случайным) признакам,

типа цвета, размера, качества и т. д. Например: The Black Sea, the Grand Hotel, the Hot Water State, the Spring Lake и др.

Последние положены в основу их выделения не как социальных, а как пространственных ориентиров человека в обществе или на местности.

Для речи разделение топонимов на группы астрономов, земнотопонимов и гидронимов является отражением основной семантической направленности этих знаков. Дело в том, что в речи такое разделение призвано дать максимально точную пространственную ориентацию, в связи с чем топонимы и выступают здесь в роли пространственной единицы, независимо от того, что положено в основу его исходного значения. Например: Верона как название определенного места не имеет ничего общего с ее исходно-этимологическим корнем, который может быть даже не известен собеседникам.

При назывании любого топонима его этимология не принимается во внимание, то есть она как бы заменена пространственным значением. Поэтому введенное Ф. де Соссюром понятие «ценности», заключенное в топониме, приобретает в нем не редуцированный характер, а скорее новый локально определительный характер, существенный для топонима. Тот исходный «Valeur», то есть исходная ценность, которая была положена в основу наименования топонима (типа: «Черное» море, «Тихий» океан, The «Red» sea), действительно стерлась, поскольку в топонимах эта исходная ценность не только «стремится к нулю», но трансформировалась в ноль. Однако «пустота», образовавшаяся на месте этой смысловой редукции, оказалась заполненной совершенно новым значением конкретно указательного свойства, которое позволяет отнести топонимы к выразителям поля пространственных отношений.

Итак, семантика топонимов соотносима с исходно доминантным признаком только на тот промежуток времени, в течение которого действуют смысловые параллели исходного слова, запечатленные в названии топонима. Но с их утратой семантическое значение топонима затемняется и доминантной остается только значение пространственной фиксации объекта по местности.

Таким образом, в языке топоним приобретает то «второе рождение», которое позволяет ему даже после утраты его связи с исходным значением оставаться конкретным указателем опознавательного свойства.

Библиографические ссылки

1. **Брунов А. В.** Лексические средства отражения космического пространства в английском языке / А. В. Брунов // Инновации в преподавании иностранных языков студентам-юристам. – М. : РПА Минюста России, 2011. – С. 26–28.
2. **Горбаневский М. В.** Происхождение географических названий / М. В. Горбаневский. – М., 1983. – С. 21.
3. **Гринев С. В.** Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – М. : Московский лицей, 1993.
4. **Кошечая И. Г.** О тройной сегментации времени и пространства / И. Г. Кошечая // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. – (Серия Филологические науки). – 2013. – № 2. – С. 64–67.
5. **Подольская Н. В.** О развитии отечественной топонимической терминологии. Развитие методов топонимических исследований / Н. В. Подольская. – М., 1970. – 87 с.

Надійшла до редколегії 16.10.2013